

УДК 82.09(092)

**А.Ф. ГУСЕВ О ПРОБЛЕМЕ ЦЕРКОВНОЙ
ОБРЯДНОСТИ В УЧЕНИИ Л.Н. ТОЛСТОГО***Б.И. Колмаков***Аннотация**

В статье затрагивается проблема восприятия религиозно-философских взглядов Л.Н. Толстого Православной Церковью. Предметом анализа стало критическое выступление профессора Казанской духовной академии А.Ф. Гусева, посвящённое отношению Л.Н. Толстого к церковным обрядам. Рассматриваются особенности понимания и оценки критиком толстовского учения, нашедшего выражение в религиозно-философских произведениях писателя, в частности в «Исповеди». Делаются выводы о том, что Гусев в полемике с Толстым применяет логически стройную систему аргументации, обращаясь к Евангелию, примерам из истории, данным науки и судебной практики, и его попытку обсуждения проблемы православного культа и церковной обрядности следует признать успешной.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, Православная Церковь, А.Ф. Гусев, Казанская духовная академия, критика.

М.М. Дунаев, профессор Московской духовной академии, доктор богословия, доктор филологических наук, во вступительной статье к своему многотомному труду «Православие и русская литература» заметил, что исследователями и критиками русской классической литературы «прослежены... едва ли не досконально» [1, с. 3] связанные с ней философские, этические, эстетические, социальные, политические проблемы. Но по ряду объективных и субъективных причин почти не было затронуто то, что он считает «основным своеобразием русской классической литературы» [1, с. 3]: её религиозное, православное миропонимание. «Именно православие, – считает М.М. Дунаев, – повлияло на пристальное внимание человека к своей духовной сущности, на внутреннее самоуглубление, отражённое литературой. <...> Совесть утверждалась нашими писателями как основная мера всех вещей. Не внешний жизненный успех, безбедное благополучие... но совесть как основа основ человеческого бытия» [1, с. 5]. С этим, считает М.М. Дунаев, связано огромное воспитательное значение русской литературы, её очищающее влияние на читателя. Внимание к этим проблемам лишь начинает проявляться, поэтому представляется актуальным обращение к исследованиям русской религиозной критики.

Одной из главных фигур не только в литературной, но и в общественной жизни России конца XIX – начала XX в. становится Л.Н. Толстой. Литературное творчество писателя, его учение, религиозно-философские воззрения привлекают всеобщее внимание и становятся предметом обсуждения, горячих дискуссий

далеко за пределами литературной среды. Важное значение в понимании не только философских взглядов, но и художественного творчества Толстого, особенно позднего, имеет критическая оценка позиции писателя представителями Православной Церкви.

Рубеж 80–90-х годов XIX в. – это время, когда выступления представителей Церкви против Толстого, его учения и тех идей, которые он выражал в своих произведениях, принимают особенно острый характер. Как известно, своё негативное отношение к Церкви Толстой выразил ещё в начале 80-х годов в «Исповеди», а впоследствии – в религиозно-философских трактатах «В чём моя вера?», «Исследование догматического богословия», «Соединение и перевод четырёх евангелий», «Царство Божие внутри вас» и других, а также в литературных произведениях, таких как «Крейцера соната», «Воскресение», «Отец Сергей». В этом отношении большой интерес представляют критические работы о Толстом, написанные преподавателями и студентами Казанской духовной академии [2–3], многие из которых опубликованы в издававшемся при ней журнале «Православный собеседник» [4]. Пристальный интерес к Толстому со стороны этого издания во многом определялся его направленностью против сектантов и раскольников (см. [5–6]).

Речь профессора Казанской духовной академии А.Ф. Гусева «Необходимость внешнего богопочтения. Против графа Л.Н. Толстого», произнесённая в библиотеке Покровской церкви, а затем опубликованная в журнале «Православный собеседник», была написана в 1890 г. К этому времени Толстой уже достаточно ясно определил свою позицию по отношению к Церкви. В своей речи профессор Гусев называет лишь один из религиозно-философских трудов Толстого – «Исповедь», создававшуюся писателем на протяжении 1879–1882 гг., хотя и упоминает о «нескольких... сочинениях, расходящихся в рукописном и литографированном виде тысячами среди нашей публики» (Г., с. 151). Таким образом, статья Гусева была опубликована через 8 лет после появления «Исповеди».

На протяжении 80-х годов растёт авторитет Толстого не только как писателя, но и как проповедника, «учителя земли русской». В значительной степени это связано с потребностью образованного общества в рациональном обосновании православного вероучения, его адаптации к условиям современной жизни. Взгляды Толстого во многом отвечают этому запросу, открывая возможность реформирования, модернизации Православной Церкви, поэтому его рациональный подход к вероучению привлекает много сторонников и последователей его идей. Немаловажную роль в этом сыграла и та предельная искренность, откровенность, с которой он излагал свои мысли, обращаясь к читателю.

В «Исповеди» Толстой, подробно описывая путь религиозно-философских исканий, акцентирует внимание на двух этапах своей духовной эволюции, когда перед ним возникала необходимость определить своё отношение к христианскому вероучению и Церкви. В обоих случаях это отношение объяснялось сложными чувствами писателя к обрядовой стороне церковной службы.

Первый раз, по словам Толстого, сомнения в истинности веры возникли в возрасте одиннадцати лет, когда пришедший в гости к Толстым мальчик Володенька М. объявил об открытии, сделанном им в гимназии: Бога нет. Это утверждение вызвало интерес у братьев будущего писателя. С этого эпизода начинается

«Исповедь», и здесь же, в первой части своего произведения, Толстой вспоминает, как под влиянием взрослых у него постепенно стало вырабатываться скептическое отношение к исполнению религиозных обрядов. Он рассказывает, в частности, как, ещё будучи молодым, получал удовольствие от чтения Вольтера, скептически настроенного по отношению к религии, как его брат Дмитрий в студенческие годы, решив вести нравственную жизнь, начал регулярно посещать церковь, соблюдать обряды, но это вызвало лишь насмешки окружающих. «Я сочувствовал тогда этим шуткам старших и выводил из них заключение о том, что учить катехизис надо, ходить в церковь надо, но слишком серьёзно всего этого принимать не следует», – пишет Толстой (Т., с. 32).

Главной причиной потери веры, по словам писателя, стало понимание того, что жизнь окружающих его людей – образованных, культурных – совершенно не соответствовала христианскому вероучению и никак не была связана с ним. Религиозность людей была чисто формальной и сводилась к привычному исполнению ритуалов. Причём, по наблюдениям писателя, особым религиозным рвением отличались люди ограниченные и безнравственные. И наоборот, «ум... честность, прямота, добродушие и нравственность большею частью встречались в людях, признающих себя неверующими» (Т., с. 32–33).

Итогом долгих исканий смысла человеческой жизни и своего назначения в ней, исканий Бога стало для Толстого возвращение в лоно Церкви. Произошло это, пишет он в «Исповеди», в результате открытия того, что жизнь простого трудового народа наполнена смыслом, а смысл – это вера. Чтобы жизнь наполнилась смыслом, человек должен «добывать жизнь, как животное, но... добывать её не для себя, а для всех» (Т., с. 88). Смысл жизни состоит в следующем: «Всякий человек произошёл на этот свет по воле Бога. И Бог так сотворил человека, что всякий человек может погубить свою душу или спасти её. Задача человека в жизни – спасти свою душу; чтобы спасти свою душу, нужно жить по-Божьи, а чтобы жить по-Божьи, нужно отречься от всех утех жизни, трудиться, смиряться, терпеть и быть милостивым» (Т., с. 96).

Этот смысл заключается в вероучении, хранителями которого являются Церковь и её пастыри. Они передают вероучение из поколения в поколение через предания и обряды. Возвращение писателя к вере изменило и отношение его к религиозным обрядам: поняв и приняв тот смысл, который придаёт жизни простой народ, Толстой принял и то, что, по его словам, ещё недавно «отталкивало... и представлялось необъяснимым: таинства, церковные службы, посты, поклонение мощам и иконам» (Т., с. 96). Вера и сопровождавшие её обряды в восприятии народа были неотделимы, и Толстой попытался принять вероучение во всей его цельности. Исходя из постулата о непогрешимости Церкви и, соответственно, «истинности всего исповедуемого Церковью... как собранием верующих, соединённых любовью» (Т., с. 98), писатель выводит заключение, что отдельный человек не может постичь истину, она открывается лишь совокупности людей, живущих в любви. Поэтому, чтобы не отделиться от людей, нужно смириться и принять то, с чем не согласен или в чём сомневаешься, то есть принять обрядную сторону религии. Ведь «если ты не подчиняешься обрядам Церкви, ты нарушаешь любовь; а нарушая любовь, ты лишаешься возможности познать истину» (Т., с. 99).

Однако вновь сомнения взяли верх. Большую часть обрядов, пишет Толстой, он не мог объяснить себе. Непонимание, отмечает автор «Исповеди», вызывали у него и самые важные христианские праздники, кроме Рождества: Вознесение, Пятидесятница, Богоявление, Покров и др. Отсутствие рациональных объяснений разрушало веру, то есть разрушали её те обряды, которые представлялись как таинства, как нечто мистическое. Особое внимание писатель уделяет обряду Причастия и тем действиям, которые вызывают у него неприятие, «соблазн» отторжения. Сама служба, исповедь, следование правилам рождают у него «радостное» чувство, так как имеют вполне разумное объяснение и воплощают собой память о Христе, очищение от грехов и единение с другими людьми в любви и вере. Но, продолжает Толстой, «когда я подошёл к Царским Дверям и священник заставил меня повторить то, что я верю, что то, что я буду глотать, есть истинное Тело и Кровь, меня резануло по сердцу; это мало что фальшивая нота, это жестокое требование кого-то такого, который, очевидно, никогда и не знал, что такое вера» (Т., с. 102). А так как, пишет Толстой, кроме гибели он ничего в этой жизни больше не видел и именно поэтому пришёл к вере, то отвергнуть веру было невозможно. Однако «удар уже был нанесён» (Т., с. 102), и, пишет Толстой, в следующий раз он не смог идти к Причастию.

Окончательному отречению Толстого от Церкви способствовало, по его словам, разрешение трёх проблем: отношения Православной Церкви к другим христианским церквям, к войнам и смертной казни. Он считает, что враждебное отношение православия к Католической Церкви, к различным протестантским церквям, к раскольникам, сектантам основано лишь на несовпадении некоторых формальных принципов и нет никакого оправдания тому, что в жертву этим формальностям, являющимся источником разъединения людей, приносится главное в христианском вероучении – основополагающая идея любви. Одним из результатов разъединения являются войны и казни, которые, по утверждению Толстого, оправдываются Церковью, что также противоречит учению Христа.

В своей статье А.Ф. Гусев, констатируя, что «теперь именно внешнее богопочитание подвергается с разных сторон нападкам» (Г., с. 152), обращает особое внимание на то, что против него выступают не только сектанты, но и один из самых влиятельных современных писателей и мыслителей – Лев Толстой, которого многие образованные люди воспринимают как учителя. Кратко формулируя позицию Толстого по данной проблеме, Гусев сводит её к тому, что внешнее богопочитание – это не более чем «произвольное измышление представителей иерархии... оно не требуется религиозной верою и жизнью человека... оно не только бесполезно, но и вредно, подавляя внешностью и униформенностью дух человека и его свободу», и что «Иисус Христос осуждал внешнее богопочитание» (Г., с. 152). В самом начале своей статьи Гусев категорически заявляет о «совершенно ложном» (Г., с. 152) взгляде Толстого на христианство и ставит задачей доказать необходимость культа, его религиозно-нравственное значение и то, что сам Иисус Христос положил начало христианскому культу.

Гусев исходит из того, что человеческая природа двойственна, она соединяет в себе духовное и телесное, чувственное начала. Ссылаясь на данные современных наук, прежде всего психологии, он утверждает, что любое душевное движение, будь то мысль, чувство или желание, всегда выражается той или иной телесной

реакцией: «Без посредствующей деятельности мозга и нервов... не совершается в нас решительно ни одного психического, то есть душевного явления, как бы оно ни было утончённо и возвышенно», – пишет профессор духовной академии (Г., с. 153) и приводит ряд примеров того, как мимика человека и движения тела отражают движения души. Внутреннее состояние человека, замечает Гусев, выражается и в слове (например, в песнях, поэтических произведениях), и в символах – различных внешних знаках, образах: праздничной одежде, произведениях скульптуры, живописи и др. Коллективные чувства воплощаются в общепринятых обрядах, таких как чествования великих деятелей, судебное делопроизводство и т. д. Таким образом, заключает Гусев, независимо от желания человека его душевный мир всегда будет выражаться в различных внешних формах и действиях.

Почему же, справедливо недоумевает критик Толстого, религия, напрямую связанная с душевной жизнью человека, должна исключить внешние формы её выражения? Искренняя вера в Бога неизбежно рождает в людях «религиозную настроенность» (Г., с. 156), которая охватывает всего человека и требует выражения во внешних формах: в жестах, движениях, словах, символах и т. д., потому что и в религиозной жизни человек остаётся духовно-телесным существом. Как, например, человек может просить или благодарить о чём-то Бога, восхвалять Его, выражать своё горе, радость, надежды, обращаясь к Нему? Только посредством слова, то есть через молитву, которая являлась обязательным ритуалом в любой религии. Во время молитвы человек принимает определённые молитвенные позы, выражающие те или иные религиозные настроения, внутреннее состояние. Например, преклонённые колена и тело, поверженное лицом к земле, воплощают чувство смирения и сознание своего ничтожества перед Богом. Определённые движения могут в символической форме выразить сущность веры: главный догмат христианства воплощает крестное знамение.

Наконец, религиозная настроенность человека выражается в обрядах, символизирующих различные верования, события религиозной жизни, действия Божества. Истоки обрядов Гусев видит в осознании человеком греховности своей природы, потребности в покаянии и очищении от грехов. Все обряды, присущие разным религиям, он сводит к четырём типам: «а) исповедование грехов, б) омовение и очищение, в) обуздание чувственных инстинктов посредством различных телесных лишений и г) жертвы» (Г., с. 158).

Непосредственное отношение к обрядам имеет изображение религиозных персонажей и событий, связанных с их жизнью. Такие изображения, подчёркивает Гусев, также известны с древних времён: «Священные изображения вызывались и вызываются в сущности той же душевной потребностью, какую вызываются у нас художественные и фотографические изображения дорогих нам лиц или важных исторических событий. Равным образом и все другие указанные нами принадлежности культа необходимо вызываются религиозными потребностями духовно-чувственной природы человека», – замечает критик и, иронизируя над Толстым, заключает: «Если бы человек был дух, то и внешней стороны в его религиозной жизни не было бы. Тогда и св. ап. Павел не говорил бы каждому из нас: *Прославление Бога и в телах ваших* (Кор. 6, 20)» (Г., с. 160).

Гусев формулирует один из ключевых для Толстого и для многих современных образованных людей вопрос: зачем необходимо было устанавливать и продолжать соблюдать общеобязательные формы внешнего богочитания, которые, на первый взгляд, стесняют свободу человеческого духа, почему бы не дать возможность каждому по-своему выражать религиозные настроения? Профессор академии даёт вполне закономерный и логичный ответ: люди одной веры стремятся к единению «и образуют собою единый религиозно-нравственный союз, единое общество, члены которого проникнуты одними и теми же религиозными верованиями... имеют одни и те же религиозно-нравственные потребности, чувствования и стремления» (Г., с. 160). Вместе с тем целью любой религии является объединение людей, для чего необходим единый для всех порядок, единые правила религиозно-нравственной жизни и единые обрядные формы.

К чему же приведёт «разнообразие во внешних выражениях религиозной настроенности?» (Г., с. 161). Вновь с явной иронией по отношению к Толстому его критик рисует возможную картину того хаоса, которое представляла бы церковная служба при такой свободе самовыражения: «Что стал бы делать человек, избегающий того, через что в церкви совершается отпущение грехов и низводятся благодатные дары? Такому человеку оставалось бы горделиво возомнить себя находящимся в непосредственных отношениях к Богу...» и, без сомнения, имея в виду именно Толстого, отвергающего обряд Причастия, замечает: «Когда человек пренебрегает установленными для всех священнодействиями, при посредстве коих подаются благодатные дары, то этим он доказывает своё отделение от других людей, своё самомнение, свою эгоистическую обособленность. Но всё это... противно Богу... Тем же противным для Бога стремлением к эгоистическому обособлению и к разрыву с другими может вызываться и всякое другое оригинальничание в деле внешнего выражения религиозной настроенности» (Г., с. 161–162). Таким образом, заключает автор статьи, единство культа, обрядных форм – не результат чьей-то прихоти, а неизбежное и необходимое условие.

Что же касается утверждения Толстого о том, что единообразие культа стесняет свободу духа, то, по мнению Гусева, это иллюзия. Во-первых, поясняет он, человека никто не заставляет участвовать в общественном богослужении и исполнять церковные правила. Подобное принуждение не имеет смысла, так как невозможно что-либо навязать человеку, если его душа это отвергает. Во-вторых, продолжает Гусев, обрядовые формы судопроизводства, учёных заседаний или устоявшиеся формы выражения почтения к людям не воспринимаются нами как посягательство на свободу нашего духа. Мы не видим стеснения свободы нашего духа, когда поём песню или читаем стихи, придуманные поэтом в минуты вдохновения, то есть пользуемся этими произведениями. Вообще пользование чем-то созданным не нами – обычное и распространённое явление. Поэтому «с какой же стати говорить о стеснении свободы нашего духа, когда идёт речь об общественном богослужении с его общими для всех молитвами, гимнами, псалмами и прочим?.. Творцы всего этого не только отличались глубокими религиозными убеждениями и высоким религиозным воодушевлением, но и владели часто неподражаемым даром религиозно-поэтического творчества. Странно было бы не пользоваться... их поистине чудными творениями», – справедливо

замечает критик (Г., с. 163). И, наконец, возражает Гусев Толстому, никому из верующих христиан не запрещается по-своему выражать свои религиозные чувства вне общественного богослужения.

В отличие от Толстого и его сторонников, автор статьи видит великое благо внешнего богопочитания (единых для всех молитв, обрядов, священных изображений и т. д.) в том, что оно «скрепляет взаимную связь между людьми и призывает их смотреть друг на друга... как на равных перед Богом... как на братьев и сестёр во Христе... внушает дух взаимной любви и уважения», а «чем чаще и сильнее люди воспринимают и испытывают одни и те же нравственные уроки, состояния и чувствования, тем теснее они сближаются и рождаются между собою... Культ есть прежде всего одно из наилучших средств к поддержанию и укреплению духовного братства и единению между последователями одной и той же религии» (Г., с. 164–165). Это, на наш взгляд, главный и наиболее важный вывод, который делает Гусев в процессе своих рассуждений.

Вместе с тем критик Толстого обращает внимание и на то, что культ, оказывая целостное воздействие на человека (на чувства, сознание, воображение), захватывая всю личность, является важнейшим средством формирования религиозной настроенности. Впечатление от чтения истории страданий и смерти Иисуса Христа, описанной в Евангелиях, считает Гусев, будет не таким сильным, как во время присутствия на «умилительном» и «трогательном» богослужении, особенно при церемонии торжественного выноса Плащаницы в Страстную Пятницу: «Кто хоть однажды присутствовал при этом богослужении... тот, конечно, сам испытал всю силу впечатления, производимого им. Нужно перестать быть человеком, чтобы, присутствуя при таком богослужении, не проникнуться умилением, сознанием великости вины нашей перед Богом и благоговением перед необъятностью любви к нам пострадавшего и умершего за нас Богочеловека», — пишет автор статьи (Г., с. 165). Столь же яркое впечатление, отмечает он, производит любое православное богослужение, и в связи с этим критик вспоминает исторический факт, согласно которому именно то сильнейшее впечатление, которое произвело на послов князя Владимира православное богослужение, повлияло на его решение принять христианство.

Важное значение внешней, обрядной стороны религии Гусев видит и в том, что если человек с детства посещает церковь, то эти детские впечатления становятся для него своеобразным оберегом от растлевающего влияния всего того, с чем он сталкивается в дальнейшей жизни. Элементы культа, ритуалы напоминают человеку о самих христианских истинах. Без православно-христианского культа «люди могли бы мало-помалу забывать истины религии и утрачивать религиозную настроенность... Природа наша, при свойственной ей склонности увлекаться обычными, низменными хлопотами... лично-животной жизни, вовсе не такова, чтобы мы без внешних напоминаний и влияний тяготели к Богу и влеклись к выполнению наших христианских обязанностей. Всякий сознается, что для нас нет ничего легче, как отрешаться от религиозно-нравственных помыслов и чувствований». А если так, спрашивает оппонент Толстого, «то что же именно удержит нас от окончательного погружения в эту лично-животную жизнь?» (Г., с. 167). Ответ для него очевиден: церковное богослужение и иконы, находящиеся у нас дома, напоминают нам о Боге.

Следуя распространённому в современном обществе интересу к уголовным преступлениям, Гусев обращается к судебной практике, которая, по его словам, свидетельствует о том, что в ряде случаев люди, готовые совершить преступление, отказывались от этого, услышав колокольный звон или увидев икону. «Я знаю, что есть люди, на которых не действует даже самое умиленное богослужение. Но что же из этого? Тем хуже для них самих, а существование таких одеревеневших людей ничего не говорит против благотворного значения христианского культа», – пишет он (Г., с. 168).

Вызывает возражение у автора статьи и мысль Толстого о том, что не все люди (особенно образованные) нуждаются во внешних средствах возбуждения религиозных чувств. По мнению Гусева, люди, считающие себя культурными, просвещёнными, возможно, ещё больше склонны к восприятию зла, чем простой народ, поэтому они также нуждаются во внешних напоминаниях о Боге. Культ необходим даже для человека духовно развитого, возвышенного, постоянно думающего о Боге. Критик проводит аналогию с одарённостью эстетическим чувством: одного размышления о прекрасном недостаточно для получения эстетического наслаждения, необходимо соприкосновение человека с произведением искусства. То же самое и в религиозной жизни: только непосредственное участие в общественных богослужениях, обрядах, домашних молитвах может по-настоящему возбудить религиозно-нравственные чувства. «Чем чаще мы присутствуем при общественных богослужениях, – отмечает Гусев, – и чем полнее открываем душу свою для... святых впечатлений и влияний, тем наибольшей энергией запасаемся для доброй христианской жизни и по выходе из храма Божиего. То же самое нужно сказать о домашней молитве. Чем чаще и искреннее мы молимся, тем больше увеличиваем в себе добрые расположения и стремления» (Г., с. 169). По мнению критика, главное – не относиться формально, механически к исполнению культа, и тогда человек почувствует его благотворное влияние на свою духовную жизнь.

Не случайно в своей статье Гусев, опровергая суждения Толстого, упоминает сектантов (в частности, хлыстов), ведь в программе журнала «Православный собеседник» одной из главных задач ставилась борьба с раскольниками и сектантами. Именно в этом качестве и воспринимался Толстой деятелями Православной Церкви. Посредством священнодействий человек общается с Богом, обряды, ритуалы дают ему возможность ощутить на себе воздействие Бога: «нужны внешние пути и способы, через которые проходило бы влияние на нас благодати Божией... Человеческий дух, теснейшим образом связанный с телом... воспринимает... впечатления... через внешние чувства», а значит, и воздействия Бога на нас «должны совершаться не иначе, как через определённые и однажды навсегда установленные внешние посредства» (Г., с. 170). Иначе, не зная, ниспосланы ли ему благодатные дары, человек должен был бы руководствоваться своими личными ощущениями, исходя из собственного духовного состояния. Именно такое смешение божественного, небесного, с земным, человеческим и происходит у сектантов, отвергающих внешние формы богопочитания. Поэтому и появляются, например, у хлыстов деятели, подобные Даниле Филиппову, провозглашающие себя воплотившимся божеством. У православных, замечает Гусев, подобное самообогащение исключено, так как дары Божии сообщаются

верующим через таинства, и от православного христианина требуется лишь искренняя вера в истинность этих даров.

Высказав свои аргументы относительно необходимости религиозного культа, Гусев переходит к доказательству того, что сам Иисус Христос стал основоположником христианского культа. Христос не мог отвергать культа, как утверждает Толстой. Отвергают его «только те, кто не признаёт в своём самомнении и заблуждении бытия личного Бога», пишет критик, подразумевая Толстого и его последователей (Г., с. 171). Впрочем, автор статьи не углубляется в разъяснения того, какой смысл он вкладывает в понятие «личный Бог», и это является единственным слабым звеном в его рассуждениях, так как переносит их в мистическую плоскость, неприемлемую для Толстого.

Не только словом, но и «делом Христос заповедал и освятил внешнее богочтение», подчёркивает критик (Г., с. 171). Опровергая Толстого, он приводит конкретные примеры из Евангелия, где говорится о том, как Христос относился к культу. Гусев отмечает, что молитва была обычным делом в земной жизни Христа, что, например, Иисус уединялся для молитв (Лк 6:12), а сопровождалась они соответствующими движениями тела (Мф 26:39), что он, молясь вместе с учениками, пел гимны и псалмы (Мф 26:30). Упоминает критик о том, как Христос посещал храм и, считая его домом Божиим, участвовал в общественных богослужениях, особенно в дни иудейских праздников (Ин 2:13, 16 и т. п.), как советовал ученикам своим чаще молиться (Лк 18:1), как говорил о преимуществе общественной молитвы (Мф 18:19–20). Гусев приводит примеры того, как Христос постился (Лк 4:2 и др.) и завещал соблюдать посты (Мф 9:15), как сам выполнял и просил своих учеников выполнять требования ветхозаветного культа (Мф 23:3).

Не соглашается Гусев с Толстым и в том, что, по словам писателя, Христос упрекал фарисеев за их приверженность к исполнению обрядов, к ритуальной стороне религии. Автор статьи считает, что Христос порицал фарисеев за формальное, механическое следование культу, что в обрядах они перестали видеть смысл, поэтому отошли от веры, и он вновь ссылается на Евангелие (Мк 7:8–16 и под.). Гусев подчёркивает, что Спаситель осуждает в лице фарисеев любое формальное отношение к вере. Но подобное отношение к вере осуждает и Православная Церковь, считая, что только любовь к Богу и ближнему наполняет смыслом совершаемые обряды.

Возражая Толстому, автор статьи убедительно доказывает, что именно сам Христос заложил основы культа новой религии. Он обращается к истории религий и констатирует, что существует два основных элемента любого культа – молитва и жертва. Как образец для всех наших молитв, по словам Гусева, Христос дал молитву «Отче наш...» (Лк 11:2–4). Сам же Спаситель перед крестными страданиями установил и таинство Евхаристии как бескровной жертвы, которую человек должен приносить Богу. Критик Толстого вновь упоминает Евангелие, цитируя слова Христа: «Сие есть Тело Мое, которое за вас предается; сия есть Кровь Моя, которая за вас проливается» (Лк 22:19–20). Таким образом, подчёркивает Гусев, и молитва, и жертва как основа любого культа определены для христианства самим Иисусом Христом.

Гусев цитирует фрагмент из «Исповеди» Толстого, где писатель выражает своё неприятие таинства Причастия (см. выше). Автор статьи обращает внимание на то, что сначала писатель говорит о радостном чувстве, которое вызвала у него сама исповедь, и так комментирует данный факт: «Из этих слов Л. Толстого же видно, сколько благотворного вносит в душу человека исполнение предписаний христианского культа даже и тогда, когда человек хотя несколько открывает душу для религиозно-нравственных впечатлений. Не странно ли... что тот же граф Толстой подвергает самым ярким нападкам этот культ? Очевидно, дурные инстинкты взяли верх над добрыми, и всё дело изменилось в его глазах...» (Г., с. 175). Что же, задаётся он вопросом, так возмутило Толстого? Необходимость признать, что хлеб есть Тело Христово, а вино – Кровь Христа? В этой части своих рассуждений Гусев останавливается на важнейшем и крайне сложном для понимания современным рациональным человеком вопросе веры и неверия. Каждый истинно верующий человек должен верить словам самого Христа о том, что хлеб – это Тело Его, а вино – это Кровь. «Требование Церкви есть требование самого Иисуса Христа. Очевидно, граф Толстой, как неверующий, не хочет и не может признать, чтобы то, что имеет для наших внешних чувств вид и вкус хлеба и вина, было истинным Телом и Кровью Спасителя» (Г., с. 175).

В дальнейших рассуждениях профессора Гусева вновь ощущается ирония, если не откровенная насмешка, причём по отношению не только к Толстому, но и к современному научному знанию, прежде всего естественнонаучному, к тому, что принято было называть позитивизмом. Обращаясь к Толстому, он спрашивает: «Не наука ли свидетельствует, что далеко не всё в действительности таково, каковым является для наших внешних чувств?» (Г., с. 176). И, вновь обращаясь к научным данным, демонстрирует субъективность, относительность наших зрительных, слуховых, осязательных и тактильных ощущений. А если это действительно так, то «почему же хлеб и вино в Евхаристии, по действию премудро-всесовершенной силы Божией, не могут быть истинным Телом и Кровью нашего Спасителя, сохраняя, однако, для наших внешних чувств все свои обычные свойства?» Научный анализ «не откроет в евхаристическом хлебе и вине ничего, кроме хлеба и вина», потому что он «не в состоянии проникать в сущность вещей. Значит, и никакой научный анализ не вправе заподозривать ту истину, что верующие приобщаются под видом хлеба и вина истинного Тела и истинной Крови Спасителя нашего» (Г., с. 176–177).

Гусев вновь задаётся вопросом: зачем было Господу приобщать человека к Телу и Крови Его посредством хлеба и вина? Он даёт интересный и глубокий по своему смыслу ответ, логически доказывающий с точки зрения православного христианина неверие Толстого в Бога. Вся религиозно-нравственная деятельность человека, поясняет он, имеет значение только в том случае, если человек полностью свободен в своих поступках, то есть действует по собственному влечению, желанию. Если бы то, во что мы верим, было очевидным фактом или результатом принуждения, то эта вера не имела бы нравственной ценности, не являлась бы нашей заслугой, потому что вера требует от человека нравственных усилий, и он должен быть свободным в своём выборе – верить или нет. «В самом деле, какую нравственную ценность, какую заслугу с моей стороны имеет то, например, что я признаю стол столом, берёзу берёзой или

дважды два за четыре? Иначе ведь я не могу думать и рассуждать. Потому-то, никогда и никто не утверждал, что, например, Иванов или Петров – люди нравственно хорошие, так как они-де признают дерево деревом, а не железом и дважды шесть за двенадцать, а не за десять» (Г., с. 177). Это всего лишь признание очевидных фактов, но не вера.

Признание же личного Бога, бессмертия души, загробной жизни требует именно веры, то есть свободного нравственного усилия, и это будет нашей заслугой, имеющей нравственную ценность. «Блаженны не видевшие и уверовавшие», – приводит Гусев слова Иисуса Христа (Ин 20:29). Значит, наше приобщение к Телу и Крови Христа должно происходить под видом хлеба и вина – это необходимое условие веры. Если бы Тело и Кровь были бы таковыми, какие они есть, то мы лишь вынуждены были бы признать очевидное, но не верить. Вместе с тем что должен был бы испытывать человек, если бы Тело и Кровь Спасителя были таковыми? Значит, приходит к заключению Гусев, приобщение к Телу и Крови Христа посредством хлеба и вина – это «милость Божия», а «граф Толстой в своей слепоте нападает на то, что имеет необычайную разумность и великий нравственный смысл» (Г., с. 178). Столь же глубокий смысл имеют и другие таинства.

Утверждение Толстого о том, что Христос был против любого культа, Гусев называет «сознательной ложью», обычной «у противников и врагов Православной Церкви» (Г., с. 179). Христос установил главные виды культа и предоставил своим ученикам последующее его развитие «под руководством Духа Божия, действующего в Церкви» (Г., с. 179). Христос не мог, подчёркивает автор статьи, установить все подробности обрядной стороны зарождающейся религии, потому что это невозможно было сделать до завершения его искупительного пути, а также по причине неизбежного появления в будущем новых обстоятельств. Вместе с тем христианский культ допускает отмену, изменение и усовершенствование отдельных подробностей с согласия всей Церкви, за исключением таинств, установленных Спасителем и Его апостолами. Поэтому, делает вывод Гусев, утверждения Толстого, что обряды Православной Церкви «есть плод чьего-либо произвольного измышления», что культ «не требуется религиозной верою и жизнью человека, будто бы он не только бесполезен, но и вреден и будто бы даже Иисус Христос был противником культа», «безосновательны» и «ложны» (Г., с. 179–180).

Таким образом, статья профессора Казанской духовной академии А.Ф. Гусева, ставшая первым его шагом в полемике с Толстым, представляет собой, на наш взгляд, вполне успешную попытку обсуждения проблемы православного культа, церковной обрядности. Принимая вызов, который делает Церкви Толстой, Гусев начинает дискуссию по, казалось бы, поверхностному, формальному вопросу, но убедительно демонстрирует его значимость. Он последовательно утверждает мысль об объединяющем значении церковных обрядов, дающих возможность людям, присутствующим при их совершении, пережить чувство единения друг с другом, которое очищает людей, возвышает и одухотворяет их, поддерживая в них способность любить.

Доскональность, тщательность анализа и опровержения доводов Толстого, глубокое знание Священного Писания, примеры из истории не только христианства, но и других религий делают статью Гусева убедительной для читателя. Автор статьи демонстрирует прогрессивный подход к решению проблемы, апеллируя не только к Евангелию, но и к данным современной науки, к судебной практике, что придаёт его суждениям ещё больший вес в глазах читателя. Интересным, на наш взгляд, является тот факт, что критик Толстого стремится рациональным, «толстовским» путём доказать истинность своей позиции, не прибегая к прямому давлению на читателя авторитетом Церкви.

Гусев выступает как тонкий психолог, обращающийся к образованному читателю, поэтому если он иногда и иронизирует над своим оппонентом, то делает это тактично. Чувство меры, сдержанность Гусева выгодно отличают его способ ведения полемики по сравнению с манерой некоторых его единомышленников (например, архиепископа Никанора (Бровковича)). Вместе с тем Гусев достаточно чётко обозначает свою позицию по отношению к Толстому, называя его взгляды ложными, и убедительно аргументирует это утверждение.

Рассмотренная нами статья А.Ф. Гусева, которая ранее не являлась предметом научного исследования, на наш взгляд, с точки зрения содержания представляет значительный интерес. Во-первых, она даёт нам возможность глубже осознать, насколько сложной была полемика Церкви с той рационалистической линией общественной мысли, которую воплощал Толстой. Во-вторых, статья интересна тем, что раскрывает точку зрения представителя русской православной интеллигенции – профессора духовной академии. Важным является и то, что автор статьи представляет провинцию, поэтому его глубокие суждения во многом ломают стереотип о её непросвещённости и консерватизме. Наконец, большой интерес, конечно же, вызывает сама система аргументации, которую использует Гусев в полемике с Толстым.

Анализ религиозно-философских взглядов Толстого и их восприятие его современниками – это самостоятельная, очень интересная и актуальная область научных исследований. Но для нас она не является самоцелью, а даёт возможность глубже понять художественное наследие Толстого-писателя, особенно произведения последнего периода его жизни.

Summary

B.I. Kolmakov. A.F. Gusev about Church Ritualism in Tolstoy's Doctrine.

The article deals with the problem of critical perception of religious and philosophical views of L.N. Tolstoy by Orthodox Church. The analysis is focused on a critical speech by A.F. Gusev, professor of Kazan Theological Academy, dedicated to Tolstoy's attitude towards church rituals. It is considered how the critic understands and estimates the teaching of Tolstoy, which found expression in his religious and philosophical works, particularly in "A Confession" ("Ispoved"). A conclusion is made that Gusev in his polemics with Tolstoy uses a logically well-knit system of arguments. He refers to the Gospel, historical examples, scientific and court practice data. Thus, his attempt to discuss the problem of Orthodox cult and church ritualism should be recognized as successful.

Keywords: L.N. Tolstoy, Orthodox Church, A.F. Gusev, Kazan Theological Academy, criticism.

Источники

- Г. – *Гусев А.Ф.* Необходимость внешнего богопочтения. Против графа Л.Н. Толстого // Православный собеседник. – 1890. – Ч. I. – С. 151–180.
- Т. – *Толстой Л.Н.* Исповедь // Толстой Л.Н. Исповедь. В чём моя вера? – Л.: Худож. лит., 1990. – С. 31–113.

Литература

1. *Дунаев М.М.* Вступление // Дунаев М.М. Православие и русская литература: в 5 ч. – Ч. 1. – М: Христиан. лит., 1996. – С. 3–15.
2. *Колмаков Б.И.* «Крейцера соната» Л.Н. Толстого в критической оценке архиепископа Никанора (А.И. Бровковича) // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2013. – Т. 155, кн. 2. – С. 104–120.
3. *Колмаков Б.И.* Повесть Л.Н. Толстого «Крейцера соната» в оценке А.Ф. Гусева (по публикациям журнала «Православный собеседник») // Русская литература XVIII – XXI вв.: Диалог идей и эстетических концепций. Дискурс о современности. – Łódź: Primum Verbum, 2010. – S. 59–68.
4. *Колмаков Б.И.* Журнал «Православный собеседник» как источник литературно-критических суждений // Номо scribens. Литературная критика в России: поэтика и политика: Сб. ст. и материалов Всерос. науч. конф. (Казань, 30 сент. – 2 окт. 2008 г.). – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – С. 82–94.
5. *Красносельцев Н.Ф.* К истории «Православного собеседника» (по поводу тридцатилетия журнала) // Православный собеседник. – 1885. – Ч. 3. – С. 459–507.
6. *Знаменский П.В.* История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период её существования (1842–1870 гг.): Вып. 1–3. – Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1892. – Вып. 2. – 592 с.

Поступила в редакцию
20.01.14

Колмаков Борис Игоревич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и методики преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: Boris.Kolmakov@kpfu.ru